

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

Я ДРАЛСЯ на
КУРСКОЙ ДУГЕ

Артем Владимирович Драбкин

Я дрался на Курской дуге

Серия «Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70278232

Я дрался на Курской дуге:

ISBN 978-5-00155-638-1

Аннотация

Продолжавшаяся долгих 50 дней и ночей Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 года) стала самым грандиозным сражением Второй Мировой. Однако по своему размаху, ожесточенности, насыщенности боевой техникой и участию колоссального количества войск противостояние на Курской дуге вообще не имеет себе равных в истории. На страницах этой книги вы услышите живые голоса танкистов, артиллеристов, минометчиков и простых пехотинцев Красной Армии, которые летом 1943-го сорвали последнюю крупную наступательную операцию Вермахта, а затем перейдя в контрнаступление обеспечили коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

«Танки пошли на танки, и становилось по-настоящему жутко, когда на наших глазах башни от Т-34 отлетали после прямых попаданий. К концу дня все вокруг было разбито, все в дыму,

запах гари, перевернутые орудия, горящие танки, и горы трупов. Все горело...»

«Зарево над Прохоровкой нельзя описать словами... Разведвзвод занял оборону под подбитыми танками, и мы еще вечером отбили две атаки немецкой пехоты...»

«Юнкеры не слезали, артиллерия все время обстреливала, минометы. Страшно было. Вся земля поднялась вверх. На зубах песок, ничего не видно, гарь стояла даже днем...»

«На нас пошло 25 немецких танков в сопровождении пехотного десанта. Нам нечем было остановить танки. Уже не было противотанковых гранат. Позади нас находилось наше минное поле «нашпигованное» на каждом метре противопехотными минами. Немцы окружили нас с трех сторон, расстреливая из танковых пулеметов. У нас был выбор – смерть или плен. Мы выбрали смерть...»

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Фукалов Геннадий Александрович	6
Падуков Леонид Степанович	15
Шелемотов Александр Сергеевич	18
Городинский Арон Семенович	25
Толстикова Владимир Владимирович	27
Рыжков Иван Ермолаевич	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Я дрался на Курской дуге

© ООО «Яуза-каталог», 2024

Фукалов Геннадий Александрович

В конце апреля [1943] нас привезли под Мценск, и мы стояли там до самого наступления. Готовились к Курской битве. Нас сразу предупредили, что бои предстоят тяжелейшие, поэтому мы все время тренировались. Несколько раз даже ездили на передний край. Посмотреть, как там и что, как идти. Карты-то есть, на картах все ясно, а вот в натуре как это выглядит? Тренировались, как быстро покинуть машину: в танк быстрее, из танка быстрее. Изучали новые немецкие танки, которые они наковали к лету. Измозолили прямо глаза этими картинками с «тиграми» и «пантерами».

Первый бой помните?

У меня он получился какой-то сумбурный и не запомнился. А в самом начале наступления полк попал на минное поле. Саперы говорили, дескать, проходы проделали. Так вот и проделали... Из 16 танков 11 подорвались на минах. И я там не однажды на минах подрывался. Помню, в одном случае подорвались ночью, и решили до утра гусеницу собрать. Когда собрали, решили сдавать назад по своему следу. Механик-водитель залез в машину, а радист Мартынов остался снаружи. Он ему говорит:

– Залезай!

– Да ну, зачем?

И только механик включил скорость, машина дернулась, и под правой гусеницей взрыв... Оказывается, стояли прямо на mine... Повезло, что в основном вся сила взрыва ушла

под танк, но землю швырнуло прямо в Мартынова. Лицо до крови исцарапало, но не ранен... И вот когда после этого случая пошли в бой, на меня вдруг какой-то мандраж навалился. Лето, в танке жарища, а меня прямо трясет... Больше такого не было, но один раз вот случилось.

Еще запомнился такой эпизод. Наступаем, местность ровная, и вдруг овраг. Все фрицы сразу туда. А мы подошли и как осколочно-фугасными врезали... После этого как-то умудрились заехать туда, придавили оставшихся немцев, но нас потом двумя тягачами из этого оврага вытаскивали. И там же, на Орловском направлении, где-то я видел такой случай. Стоит поле сжатого хлеба, а бегущие фрицы прятались за снопами. Тут мы тоже им хорошо дали. Правильно говорят, что 43-й год – переломный. Хотя бывало по-разному.

Вот мы придем на исходный рубеж. Когда сигнал прозвучал, это или ракета, или команда по радиации «555», проходим вперед, а пехота уже за нами пошла. Но в первых боях получалось, что пехота залегла под сильным обстрелом, а мы, считай, оторвались. Нас выбивают, а пехота сзади отстала. Тогда стали делать так – пехоту поднимали. Помню, в одном бою вижу в перископ – командир бежит с пистолетом, «Ура!», а много азиатов, и за ним никто не поднимается... Тогда наш взвод повернул обратно, пошли по траншеям, вот тут пехота поднялась и пошла. Расшевелили их... Вот такой случай тоже был. В общем, 12 июля пошли в наступление, а уже 17-го мой танк сожгли.

Как это случилось?

Как обычно, в наступлении. Первое попадание было по башне – сразу все лампочки в машине погасли. Следующее попадание – у меня зеркальные перископы полопались. А главное, такое ощущение, что тебя в бочку посадили и молотом по ней лупят... Потом еще удар, и, видимо, он попал в маленький лючок механика, потому что снаряд прошел в машину, но прошел над боевой укладкой. У нас же все под ногами, в кассетах. И прошел в машинное отделение, машина сразу загорелась. Я механика хватаю за комбинезон, и чувствую, что он обмяк. Значит все, готов...

Радист вперед нас из башни вынырнул. Заряжающий тоже хотел за ним выпрыгнуть, одной рукой схватился, а вторая не работает, и не может подтянуться. Вижу, у него из этого рукава кровь течет. А на мне уже комбинезон загорелся, так я его, как вытолкнул и сам выпрыгнул. А третий и не знаю куда делся. Там же как, спасайся, кто как может...

Комбинезон о землю погасил, говорю заряжающему: «Отползаем назад!» Ясно же, если танк загорелся, значит, взорвется скоро. Мы же его перед атакой полностью боеприпасами пополняли. Ночью снаряды привезут, и мы начинаем их перегружать. А если местность пересеченная, и машина подъехать не может, то каждому на спину по ящику. Понятно, мы ребята молодые, здоровые, но в каждом ящике четыре снаряда по 16 килограммов, а это получается 60 килограммов. Как можем, так и идем, вот так... Потому колени

у меня и болят.

Причем на Курской дуге я не помню такого, чтобы после боя не привезли горючку или снаряды. Ну, еду, тут всяко могло быть. Но нам заранее выдали по мешку сухарей. Черных таких, перегорелых. Бросили его в танк, и если поест не привезут, то воды наберем, сухари замочим, поедим. Или картошку, где есть, накопаем. Яблоки по садам собирали. Тот год урожайный выдался на яблоки. Так что без еды мы не пропадали. Но вот если не привезут курить, тогда вообще не о чем разговаривать... Давай, по радио заявляй, почему нету? Давай курить, и все тут! Трофейные, может, где-то найдем, а так с куревом были проблемы.

Ну, отползли сколько-то, потом смотрю, он побледнел от потери крови. Стал его перевязывать прямо поверх гимнастерки, все равно кровь течет. Снял с него поясной ремень, вот так ему руку подтянул, и дальше ползем на пузе. Но тут уже потише, бой ушел вперед.

Смотрю, идет санитар. Я его подозвал:

– Помоги! Видишь, заливаается кровью, – а он так отмахнулся, мол, у меня и своих таких много... А когда шли в бой, то я всегда сдвигал кобуру на живот. Чтобы не мешала, тем более, если придется выскакивать. И когда он так отмахнулся, я вытаскиваю пистолет и прямо ткнул в него:

– Перевяжешь?

Смотрю на него, он молчит. Я ему второй раз криком:

– Перевяжешь?!

Только тут он сумку повернул, достал ножницы, разрезал рукав. Когда увидел, что кость перебита ниже локтя, достал проволочную сетку, обработал, перевязал как положено, и мы потопали дальше.

Помню, поднимаемся по танковому следу из низинки, из которой наступали, там три солдата стоят с термосами. А у заряжающего уже от жары и потери крови губы все пересохли, и он им говорит:

– Хлопцы, дайте попить!

– У нас воды нет.

А где-то накануне, уже под конец атаки, когда мы остановились, к танку подполз какой-то солдат, и кричит оттуда:

– Танкисты! Танкисты! Дайте глоток воды!

А у нас ведь два бачка питьевой воды, и мы ему один выкинули:

– Попьешь, хватит силы – брось на танк!

И заряжающий, вспомнив это, разозлился:

– А мы вчера вашему брату последнюю отдали, – и как завязал матом... Тут один из солдат берет черпачок, наливает ему из термоса. Этот пьет-пьет, передохнул, опять пьет. Потом дает мне. Начинаю пить и чувствую, что это не вода. Оказывается, он нам водки налил... Ну, тут нам стало как-то повеселей, все нипочем, сейчас пойдем искать своих.

Тут броневичок маленький на нас выехал. Был такой БА-64, созданный на основе ГАЗ-64. Я ребят с него попросил:

– Увезите парня в медсанбат!

Вот так его отправил и больше никогда не видел. И не знаю, какая судьба.

А как фамилия его, помните?

Почему-то вертится на языке Кучер Илья, невысокий такой крепыш, хохол. Но нет, вроде это не он был. Не помню уже.

А кто вас тогда подбил?

Не знаю. Наверное, все-таки орудие, там вроде танков не было. Я вообще с немецкими танками за всю войну не сталкивался. Хотя на Курской дуге такая каша была, но и там не встречал. Когда сейчас начинаю вспоминать те бои, так у меня прямо слеза навертывается. Ведь это же лето, голубое небо, ни тучки, солнышко, но чем только не пахло. Ведь там горело даже то, что и гореть не должно...

В общем, отправил его и ушел искать свой полк. Нашел, рассказал, так и так, танк сгорел, и две недели отдыхал в команде выздоравливающих. Меня, оказывается, контузило. Голова немного шумная была, толком не слышал. А когда поправился, меня посадили на полковую «десятку» – командирский танк. Так вроде обычный танк, только из пушки почти не стреляешь. Меня это удивляло сначала – пушка есть, а стрелять не велят. Потом привык. И правильно – командир полка командовать должен, а не палить. Но вскоре он переместился на другой танк, и мы воевали как прежде.

А где-то на Курской дуге посадили нам корреспондента, капитана, по-моему. Нам и самим тесно, а тут еще его сажай. Но он хотел увидеть, как ведут себя танкисты в бою... Пошли в атаку, только первый выстрел сделали, он как закричит:

– По нам бьют!

– Нет, это мы стреляем!

А потом в «Красной Звезде» вышла большущая статья про нас. Понаписал столько, что мы тут, там, хотя что он видел? Но фантазия же должна быть у корреспондента. Так что

на этом танке я уже не горел...

Интервью: С. Смоляков Лит. обработка: Н. Чобану

Падуков Леонид Степанович

В боях на Курской дуге 202-я танковая выстояла и приказ выполнила. В ходе боя в районе села Теплое прямым попаданием снаряда заклинило ведущие колеса правого борта одного из атакующих танков «Тигр». Экипаж бросил фактически исправный новейший танк. Командир корпуса генерал Васильев поставил командиру 202-й танковой бригады подполковнику Лебедеву задачу вытащить этот танк в расположение наших войск. Возглавил операцию адъютант старший 172-го батальона капитан Чалов. Проблема была в том, что в батальоне к ночи могли подготовить только один боеготовый танк. Пришлось комбригу отдать свой командирский танк с экипажем. Быстро создали группу из двух танков отделения разведчиков, саперов и автоматчиков. Ночью двинулись к «Тигру». Артиллерия вела беспокоящий огонь по немцам, чтобы скрыть лязг гусениц «тридцатьчетверок». Подошли к танку. Коробка стояла на низкой передаче. Попытки переключить ее не удалось. Подцепили танк тросами, но они лопнули. Рев танковых двигателей на полных оборотах разбудил немцев. Они поняли, что подбитый их танк пытаются захватить. Накинули на крюки 4 троса и потихоньку двумя танками потащили «Тигр» к нашим позициям. С трудом, но вытащили танк к своим. За эту операцию Чалов получил орден Отечественной войны I степени, а я по итогам боев был награжден орденом Красной Звезды.

Как-то в разговоре с бывшим врачом мотострелкового ба-

тальона, входившего в состав 202-й бригады, капитаном медицинской службы Ниной Евтушенко, ставшей после войны Падуковой, вспомнили такой случай. Во время боев на Орловско-Курской дуге врач Евтушенко развернула медицинский пункт мотострелкового батальона за скатами высоты вблизи населенного пункта Никольское и вдруг на виду у всех вывесила флаг с Красным Крестом. Как она рассказывала, ей казалось, что это безопасно, что немцы ни бомбить, ни стрелять не будут. Тем не менее «Юнкеры» во время очередного налета, не раздумывая о гуманности, отбомбили медицинский пункт. Командир мотострелкового батальона капитан Большенко с НП батальона увидел это безобразие и выслал связного, чтобы он передал приказ: «Врач Евтушенко – немедленно убрать флаг». Флаг убрали, а после боя Большенко устроил Нине разнос.

Интервью и лит. обработка: А. Драбкин

Шелемотов Александр Сергеевич

Мой первый бой был одним из боев Орловской наступательной операции. Конечно, он запомнился мне особенно. Тем более что это и были первые бои нашей бригады, нашего корпуса, он ведь был только что сформирован. А немцы, наоборот, были очень подготовлены. И в конце июля наша бригада получила приказ, действуя на правом фланге корпуса, наступать в направлении Лунево – Коноплянка – Рылово. А потом форсировать реку Орс и развивать наступление по направлению Руднево – Скородумка, форсировать реку Нурь, а после чего наступать в общем направлении на Злынь.

Немцы встретили нас во всеоружии, у них и танков было много. Когда мы вышли к Орсу, все мосты через реку были взорваны. К тому же несколько предыдущих дней шел проливной дождь, берега реки стали заболоченными. Я совершенно не представлял, как мы сможем ее форсировать. Конечно, и страшно было. Но малодушия при этом не было. К тому же сначала была иллюзия, что такую броню, как наша, невозможно ничем пробить. Это потом сразу выяснилось, что немецкие снаряды очень даже хорошо ее пробивают.

Первым на северный берег Орса вышел батальон автоматчиков из Свердловской танковой бригады. Но немцы их встретили таким шквальным огнем: из ребят очень многие погибли, были ранены. А нам ведь тоже нужно было двигаться вперед, да еще переправиться на южный берег. Сначала 365-й самоходный артиллерийский полк провел хоро-

шую артподготовку. А потом пошли мы. Поначалу выбили немцев из Лунева, потом наша бригада повела наступление на Коноплянку – Рылово. Наконец мы форсировали Орс. Эх, не самые плохие у нас были машины. Мы ведь и по заболоченным берегам прошли, и по илистому дну. В сравнении с немецкими танками, у Т-34 проходимость была, конечно, выше. Но в заболоченные места мы все равно не особо рвались.

Когда бой начался, бояться было уже некогда. Наши танки с десантниками вели огонь на ходу и шли вперед. Немцы, видимо, не ожидали, что мы развернем такую атаку. Поначалу они были растеряны, мы хорошо продвигались. Но потом фрицы пришли в себя. Выдвинули резервы. У них там и танки, и самоходки были, и бронетранспортеры. И вся эта техника открыла такой огонь по нам, что ничего не оставалось, кроме как отступить на северный берег. Но там мы уже закрепились, открыли огонь из танков, нас еще артиллерия поддержала. И не дали мы немцам окончательно вернуть утраченные позиции.

Бой постепенно стал стихать. Можно вроде и прийти в себя немного. Но отдыхать некогда. По немцам нужно было снова ударить, пока они не ждут.

Ночью реку плотный туман покрыл. Фрицы наверняка дремали, успокоившись, на своем берегу. А мы нет. Наши разведчики осмотрели побережье, саперы проделали проходы к реке. После чего нашу бригаду сосредоточили возле

населенного пункта Бессоновский. И только забрезжил рассвет, мы начали атаку. Первыми Орс преодолели танкисты роты Елкина, а затем уже наша рота (ей командовал старший лейтенант Михаил Никандрович Бойко) и рота старшего лейтенанта Ивана Листопада.

И вот уже наши машины входят в прибрежную деревню. Там немцы еще полураздетые в панике выскакивают из хат, беспорядочно стреляют. Но так продолжалось недолго. Вскоре фрицам удалось организовать оборону.

Что тут началось!.. Рядом с нами врывались снаряды, аж комья земли в воздух взлетали! По нашей броне, как горох, стучали пулеметные, автоматные, винтовочные пули. Ух, как мы старались заводить танки за любые укрытия, использовать малейшие овраги, неровности местности. Но потом гляжу, уже несколько немецких танков горит. На душе сразу как-то легче стало. Я понял, что мы с ними можем справиться.

А тут и другие наши танки переправились. Но фрицы, как всегда в подобных случаях, авиацию подняли. Стали нас еще с неба бомбить. Артиллерия и минометы фашистские по нам лупят, пытаются наших автоматчиков от наших танков отрезать. Но поздно уже было. Мы шли вперед. Наши автоматчики в немецких окопах вступили в рукопашную. А фрицы ой как не любили подобных боев. Отступать начали.

Но, отступая, они, конечно, всяческим нам пакостили. Поджигали хаты, постройки разные, поля, на которых пше-

ница уже колосилась. Там все горело. Воздух был дымным, едким. Даже у нас в танке от дыма першило в горле, слезились глаза. Кроме того, от частых выстрелов пороховые газы скапливались. Их танковый вентилятор не успевал выбрасывать наружу. (По правде сказать, наши вентиляторы никогда не справлялись, если начиналась стрельба без перерыва.) И жарко было так, пот просто заливал глаза. Но все-таки врага мы отбросили.

Оставляя горевшие, подбитые танки, немцы отошли к Су-рьянино. Мне думалось, что туда мы уже разом ворвемся. Но нет, фрицы до последнего бились. Наши танки уже к окраине села походили, а враг с северо-восточной его окраины на нас свою технику бросил – штук 50 танков и самоходок. Контратаку немцы начали. Тут уж и мы их били, и они нас. Несколько наших танков немцам удалось поджечь, в том числе танк командира третьей роты Ивана Листопада. Пришлось нашему комбату Чижову обращаться к командиру бригады за артиллерийской поддержкой. К нам тут же целую батарею направили, да еще роту ПТР (противотанковых ружей) перебросили. Совместными усилиями мы оттеснили немцев в глубь села. Но уже сумерки наступили, и полного разгрома фрицы избежали.

В ночное время бой прекратился?

Поначалу мы собирались его продолжать. Вечером к нам в батальон приехал помощник начальника штаба бригады старший лейтенант Храмов. Он передал приказ комбрига ве-

сти наступление в направлении села Однощекино, на подходе к которому немцы оказали упорное сопротивление первому танковому батальону и самоходчикам. Однако когда мы приблизились к Однощекино, то пришлось отказаться от атаки с ходу. У нас не было разведанных о противнике, а в темноте уже было ничего не видно. Из прикрепленного к нам мотострелкового батальона автоматчиков отправили пешую разведку. А мы, командиры танков, вместе с нашими механиками-водителями также отправились на рекогносцировку местности перед селом. Все готовились к атаке, которая должна была начаться рано утром.

И всю ночь шла перестрелка. Мы сами вызывали огонь противника, чтобы разведать, каковы его силы и огневые средства. Спровоцировать немцев в ту пору было уже легко. Они боялись, что мы начнем атаковать их, не дожидаясь рассвета, и открывали беспорядочный огонь после каждого выстрела нашего танка или артиллерийского орудия.

А утром короткая артподготовка была, и мы вместе с частями 197-й танковой бригады и 30-й мотострелковой бригады пошли в атаку. В этот день нам удалось овладеть селом Колонтаево, выйти к реке Нугрь. И вот так мы весь август, весь сентябрь фашистов гнали.

Впрочем, по-разному случалось. Однажды – не помню, возле какого населенного пункта – во время танковой атаки немцы открыли шквальный огонь по нам. Многие танки загорелись. И мой тоже. Мы выпрыгивали из них. Немцы вели

ружейно-пулеметный огонь. И некоторым, как и мне с моим экипажем, повезло спрыгнуть за танки, а потом в окопы, которые рядом. А многим повезло меньше. Погибли они.

Но так или иначе враг отступал. И наш боевой труд оценили.

Интервью и лит. обработка: М. Свириденков

Городинский Арон Семенович

В мае 1943 года мы оказались в лесах под Жиздрой, нас придали 8-му гвардейскому стрелковому корпусу. В этом корпусе было три дивизии: две гвардейские, а третья обычная стрелковая дивизия, которую все называли «киргизской», поскольку она была национальной, сформированной в Средней Азии. Так две гвардейские дивизии вместе с нами готовились к наступлению в ближнем тылу, где была создана полная имитация немецкой оборонительной линии, а национальная дивизия занимала 20 километров передовой линии.

Затем нас подвели к передовой, ночью мы получали боеприпасы и готовили позиции, а днем было запрещено хоть как-то обозначить свое присутствие на передовой.

Немцы, я думаю, знали, что мы готовимся к наступлению, так как из состава национальной дивизии к ним постоянно перебежали нацмены и сдавались в плен. Один раз прямо на моих глазах, светлым днем, к ним перебежали два узбека из окопа боевого охранения.

Но немцам эти узбеки не подошли, по-русски ничего не знают и сообщить толком ничего не могут. И они прогнали этих узбеков назад, мол, ведите своих офицеров, тогда вас примем.

И что вы думаете? Эти два нацмена схватили одного взводного и потащили к немцам, но на нейтралке их смогли

перехватить. Собрали заседание трибунала, от каждого подразделения привели на суд представителей. Этих двух перебежчиков допрашивали через переводчика, а потом трибунал объявил приговор:

– Смертная казнь через повешение.

Обычно таких предателей расстреливали перед строем, а тут на самом деле вздернули на развилке лесных дорог, больше недели они висели на веревках с табличками на груди – «Изменник Родины», и все части шли по дороге мимо висящих трупов.

Дивизион получил перед наступлением три крупные цели, по одной на батарею, командиры расписались «за каждую цель», и заранее был заведен «паспорт» на цель.

12 июля началась трехчасовая артподготовка, а затем гвардейские дивизии перешли в наступление. За первый день наступления корпус продвинулся вперед на 20 километров.

Мимо наших позиций провели колонну пленных власовцев, больше 100 пленных.

Эти бои под Орлом были последними в моей боевой биографии.

Интервью и лит. обработка: Г. Койфман

**Толстиков Владимир
Владимирович**

После окончания Казанского танкового училища, летом 1943 г. мы с Жоржем были направлены на Центральный фронт, во Вторую гвардейскую танковую армию, в элитную, очень известную своими боевыми подвигами 11-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду, которой командовал всем известный своим мужеством Герой Советского Союза полковник Бубнов.

2-я ТА и 11-я гвардейская танковая бригада находились в районе Курска и готовились к величайшей в этой войне танковой битве с фашистской танковой армадой, получившей впоследствии всемирно известное название Курская битва.

К сожалению, мы с Жоржем были вместе только около месяца. Отец отозвал Жоржа в Свердловск для подготовки к поступлению в Бронетанковую академию. Итак, я остался до конца войны один, без верного настоящего друга Жоржа Прейсмана.

Но вернемся к моей боевой службе на фронте, в 11-й гвардейской танковой бригаде. Надо сказать откровенно, что я впервые на этой войне стал настоящим командиром. До этого я находился всегда в роли подчиненного, будучи стрелком-радистом на бомбардировщике. Теперь я командир танка, в моем подчинении всего три человека, но в условиях войны быть командиром танка дело не простое, сложнее, даже опаснее, чем командир самолета, ибо в танке просвечивается вся твоя натура, твоя воля, твое поведение, и если, не

дай Бог, ты поведешь себя неправильно, будешь несправедлив, а попросту хамить, грубить подчиненным или напротив заискивать перед ними – в обоих случаях тебе хана. В первом случае тебя просто убьют, сказав – погиб от шальной пули, снаряда в бою. В самолете этого сделать невозможно, а у танкистов таких случаев было немало. И вот, к своему сожалению, я попал в неблагополучный экипаж. Это были три коренастых, нахальных, далеко за 50 лет уголовника, все руки и грудь в наколках. Об их прошлом мне рассказал наш командир роты капитан Мельник.

Экипаж танка встретил меня, 22-летнего командира с внешним видом далеко не мужественного покроя, с исхудалым тощим лицом, довольно неприветливо.

– Ну что, пацан, собираешься нами командовать? – с усмешкой заговорил механик-водитель.

Поведение экипажа меня расстроило, но я решил все же проявить характер:

– Во-первых, прошу вас впредь со своим командиром танка так хамски не разговаривать. Я не пацан, а ваш командир. От меня и только от меня зависят успех боя и ваша жизнь.

– Ну все это мы завтра увидим, – заметил наводчик.

Итак, наше знакомство началось с подготовки к завтрашнему бою. 5 июля фашисты должны перейти в наступление.

Наступает горячая пора. Я приказал, во-первых, на танке красными большими буквами написать «Беспощадный», далее все укрытия, где был замаскирован наш танк, – хату с

края деревни – уничтожить, ибо они мешали вести прицельный огонь. Эти мои указания оказались разумными, и мы на следующий день успешно вели огневой бой с фашистскими «Фердинандами» и «Тиграми». Поначалу, при первых выстрелах противника мой экипаж сразу же бросался на днище танка, спасаясь от снарядов врага. Но мой прицельный огонь поражал немецких танкистов, и мы без потерь успешно вели огневой бой. Прошло несколько дней, и ни я, и ни один из членов экипажа не только не были убиты, но даже и ранены. А на фронте танкисты обычно живут не более 3–5 дней. Экипаж изменил ко мне отношение на 180° к лучшему, и мы стали настоящими боевыми друзьями.

Командование тоже обратило на меня внимание, на мое мужество и умение вести бой, и через неделю меня назначают командиром взвода (три танка). Мои члены экипажа ревели воем, не хотели меня отпускать, ходили даже к командиру бригады, чтобы меня оставили, – так не хотели со мной расставаться, и, надо сказать, у них было какое-то предчувствие. На следующий день, уже без меня, все трое были убиты прямым попаданием бомбы в их танк.

Бои на Курской дуге были очень ожесточенные, наша 11-я танковая бригада вела бои на Орловском направлении в районе станции Поныри. Моему взводу, как всем нашим танкистам, приходилось отбивать атаки немецких танков последней их конструкции Т-VI «Тигр» и Т-V «Пантера». Это было для нас далеко не просто, ибо наш лучший советский танк

Т-34 по своим боевым качествам уступал фашистским танкам. Так, их калибр пушки 88 мм, а наш – 76 мм, начальная скорость снаряда у них в 2 раза выше нашей, следовательно, выше пробиваемая способность, их прямой выстрел 2 км, а наш – 800 м, то есть они могут за 1 км раньше нас вести огонь на поражение. За все эти недостатки наших танков мы расплачивались большой кровью. Только в моем взводе я за первую неделю боев потерял два танка из трех.

Бои под Поньрями в июле 1943 года навсегда врезались в мою память. Я даже сочинил небольшой стих по этому поводу:

*Я снова в памяти найду
Полоску розовой зари
И эту станцию в саду
С названием странным Поньри.*

Особенно тяжелые бои развернулись 12 июля в районе Прохоровки, куда наша 11-я танковая бригада была брошена на помощь 5-й танковой армии.

Там развернулось гигантское встречное сражение, где с обеих сторон участвовали свыше 1200 танков. Это был настоящий кошмарный ад. Мы сближались с фашистскими танками до такой степени, что уже вести огонь из пушек было невозможно, выскакивали из машины и сражались с врагом в рукопашной схватке, сражались чем попало – кувалдой, ножом, пистолетом. Бог меня пожалел и в этой тяжелой схватке. Поле боя после сражения напоминало Бородинское, везде лежали убитые, раненые, стояли разбитые танки. Местные жители оказывали нам всяческую помощь, называя

нас танковыми рыцарями в соловьиных краях.

К концу июля фашистские войска в конец выдохлись, и мы перешли в решительное контрнаступление.

Осенью 1943 года наша 2-я танковая армия начала осуществлять крупные наступательные операции на Украине. 6 ноября был освобожден Киев, а затем другие города Украины.

Рыжков Иван Ермолаевич

На Курской дуге мы все знали, что немцы будут наступать, готовились к этому. За день до наступления мы знали, что завтра или послезавтра начнется, потому что немецкая тяжелая артиллерия начала разрушать блиндажи и дзоты на участке дивизии, которую мы прикрывали. Кроме того, ночью, может быть, с 12 часов или с часа, над нашим передним краем стали летать немецкие самолеты. Мы вначале подумали, что это наши девочки бомбят немцев, потом оказалось, что нет.

Потом мы провели контрподготовку. Тишина была полнейшая, кузнечики слышны. Я вылез на бруствер, я тогда уже командиром дивизиона был, смотрю, а на той стороне, в 2–3 километрах от переднего края, колонны стоят с танками, бронемашинами. Я сразу команду: «Приготовиться». Докладываю командиру полка. Он: «Давай, открывай огонь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.